

Литературное и богословское значение техники "сцепления" (interlocking) в структуре Апокалипсиса

A.C. Небольсин

В конце XIX в. среди исследователей Апокалипсиса – прежде всего, немецких – были очень популярны представления о том, что эта книга имеет составной характер, что она представляет собой ту или иную компиляцию разнородных источников, причем не только христианских¹. Гипотезы такого рода в то время представлялись столь значимыми, что крупнейший дореволюционный русский исследователь Апокалипсиса В.В.Четыркин в своем масштабном труде об Откровении Иоанна счел необходимым посвятить целый раздел вопросу о составе Апокалипсиса². К середине XX в. такого рода представления значительно потеряли в своем весе, хотя отдельные работы, отстаивающие «лоскутный» характер Откровения Иоанна, продолжали появляться и впоследствии³. С позиции цельности и единства Апокалипсиса написаны такие крупные комментарии первой пол. XX в., как труды Свита, Цана, Алло и Ломайера⁴. Осознание цельности книги шло рука об руку с усилением внимания к ее построению и нарративно-драматургическому развертыванию, эту цельность очевидным образом выявляющих, а внимание к построению Апокалипсиса, в свою очередь, пробудило интерес к тем литературным средствам, с помощью которых сформировано его структурное единство. Выдающийся

¹ См. Voelter D. Die Entstehung der Apokalypse. Freiburg i. B., 1882; Id. Das Problem der Apokalypse. Freiburg i. B., 1893; Vischer E. Die Offenbarung Johannis, eine juedische Apokalypse in christlicher Bearbeitung. Leipzig, 1886; Weyland G.J. Omwerkings- en Compilatie-Hypothesen toegepast op de Apokalypse van Johannes. Groningen, 1888; Spitta F. Die Offenbarung des Johannes. Halle, 1889. Смягченной формой этих представлений является взгляд, согласно которому Апокалипсис представляет собой в принципе единый и цельный текст, однако на финальной стадии своего оформления прошел не очень удачную редакторскую обработку, следы которой проявляются, в частности, в том, что некоторые его фрагменты оказались перемещены со своих исконных мест, и таким образом повествовательная логика текста оказалась нарушенной. Ярчайший пример подобного рода взгляния на Апокалипсис – комментарий Р. Чарлза: Charles R.H. A Critical and Exegetical Commentary on the Revelation of St. John, 2 vols. Edinburgh, 1920.

² Четыркин В.В. Апокалипсис св. Апостола Иоанна Богослова. Исагогическое исследование. Петроград, 1916. Вопросу «О составе Апокалипсиса» посвящен отдел III книги – с. 263–384.

³ Gaechter P. The Role of Memory in the Making of the Apocalypse // Theological Studies 9 (1948). P. 419–452; Boismard M.-E. L’“Apocalypse” ou “Les Apocalypses” de St. Jean? // Revue Biblique 56 (1949). P. 507–541. В известной мере такой подход свойствен и крупнейшему современному комментарию на Апокалипсис: Aune D.E. Revelation 1–5. Dallas, 1997; Id. Revelation 6–16. Nashville, 1998; Id. Revelation 17–22. Nashville, 1998 (пагинация в трех томах сквозная).

⁴ Swete H.B. The Apocalypse of St. John. The Greek Text with Introduction, Notes and Indices. London, 1906; Allo E.-B. L’Apocalypse. Paris, 1921 (третье, дополненное издание – 1933); Zahn Th. Die Offenbarung des Johannes. 2Bd. Leipzig, 1924, 1926; Lohmeyer E. Die Offenbarung des Johannes. Tuebingen, 1926.

французский исследователь Апокалипсиса Э.-Б. Алло, внесший едва ли не наибольший среди его современников вклад в отстаивание единства книги, счел возможным говорить даже о «законах» композиции Апокалипсиса и в третьем издании своего масштабного комментария посвятил их разбору значительный раздел⁵. Терминология Алло — как употребление понятия «закон», так и названия отдельных «законов», — в науке не удержалась, однако сохранился основанный на признании цельности и продуманности книги устойчивый интерес к проблеме построения Апокалипсиса и к композиционной технике Тайнозрителя.

Проблема композиции Апокалипсиса, несомненно, сложна. Сложность ее обусловлена тем, что, с одной стороны, книга полна ярких контрастов и очевидного стремительного движения к финальному разрешению, с другой же стороны, читатель постоянно сталкивается в ней с различными видами повторности, как будто тормозящими поступательное движение вперед, а иногда и заставляющими задаться вопросом: а есть ли вообще в книге это движение⁶? Разнообразие и монотонность, движение и статичность удивительным образом сочетаются в Апокалипсисе. Данное сочетание отражают и те литературные приемы, с использованием которых Тайнозрителем оформлен текст книги. Это и неожиданные и неподготовленные антиципации, когда внезапно говорится о вещах, ранее никоим образом не упоминавшихся и подробное описание которых будет дано значительно позднее⁷, и инклузии-обрамления, когда мысль развивается по схеме АВА⁸, и параллелизм в построении целых разделов⁹, и хиазм¹⁰, и регулярное использование одних и тех же выражений-формул¹¹, и периодическое возвращение одной и той же обстановки¹².

⁵ Allo E.-B. L'Apocalypse. Paris, 1933. P. LXXXII-CVII.

⁶ В связи с этим нельзя не отметить явление так называемой рекапитуляции в Апокалипсисе. Под рекапитуляцией обычно понимают тот факт, что последующий раздел в книге не есть описание хронологически последующих по отношению к предыдущему разделу событий, а представляет собой хронологическое возвращение к их началу и повторное рассмотрение уже описанных событий. Соответственно, целые разделы Апокалипсиса могут быть хронологически параллельны друг другу. Впервые мысль о том, что позднейший раздел книги является рассмотрением под новым углом зрения уже описанных в более раннем разделе событий, была высказана автором древнейшего дошедшего до нас толкования на Апокалипсис Викторином Петавийским, хотя словом «рекапитуляция» он это явление еще не обозначал. Викторин указывал на параллелизм циклов труб и чащ (Comm. in Apocalypsim VIII. 2).

⁷ См. упоминание о звере в Откр 11. 7 и о Вавилоне в Откр 14. 8.

⁸ См. Satake A. Inklusio als ein beliebtes Ausdrucksmittel in der Johannesapokalypse // Annual of the Japanese Biblical Institute 6 (1980). S. 76–113, где приведено множество примеров использования этого приема.

⁹ Ср. циклы трубы и чащ с их чрезвычайно близкой образностью, источником которой являются египетские казни (Исх 7 – 12) и циклы печатей и труб с их бросающимся в глаза расширением шестого элемента седмерицы.

¹⁰ Ср. хиастические планы книги в: Lund N.W. Chiasmus in the New Testament. A Study in Formgeschichte. Chapel Hill, 1942. P. 323-411; Schuessler-Fiorenza E. Composition and Structure of the

В ряду указанных приемов важное место занимает так называемая техника «сцепления» (*interlocking*), на которую впервые обратила внимание американская исследовательница Адела Ярбро Коллинз¹³ и рассмотрение которой является целью данного доклада. Суть этого приема заключается в том, что тот или иной фрагмент текста оказывается связанным как с предшествующим ему эпизодом, по отношению к которому он воспринимается как завершение, так и с последующим, по отношению к которому он занимает вводную позицию. Таким образом, определенный раздел может обеспечивать связь, сцепление, наложение или взаимопроникновение предшествующего ему и следующего за ним разделов. Очевидна чисто литературная значимость этого приема. Он обеспечивает связность повествования и плавность перехода от одного раздела к другому — притом, что связываемые разделы могут быть неоднородными и контрастными по отношению друг к другу. Однако чисто литературными параметрами значимость данного приема, на наш взгляд, не ограничивается. В некоторых случаях его применение, как представляется, имеет большое богословское значение, что мы и постараемся ниже показать.

Рассмотрим основные примеры применения техники «сцепления» в Апокалипсисе. Уместно начать обзор с совсем небольшой по масштабу единицы текста — пусть ею будет стих Откр 11. 19. В отношении данного стиха показательно, что различные исследователи по-разному трактуют его местоположение. Одни считают его завершением небесной сцены, следующей за гласом седьмой трубы (11. 15 — 18)¹⁴, другие, наоборот, видят в нем начало повествования о Жене, облеченней в солнце, и противостоящем ей драконе (12. 1 — 18)¹⁵. Обе эти позиции не лишены оснований, и принцип «сцепления» позволяет примирить их. С одной стороны, Откр 11. 19, в котором говорится об открытии небесного храма Божия и явлении в нем

Book of Revelation // Catholic Biblical Quarterly 39 (1977). P. 344-366; Strand K. A. Chiastic Structure and Some Motifs in the Book of Revelation // Andrew's University Seminary Studies 16 (1978). P. 401-408.

¹¹ Например, «чему надлежит быть вскоре» (1. 1; 22. 6), «чему надлежит быть после сего» (1. 19; 4. 1 — в первом случае в Синодальном переводе стоит «что будет после сего»), «в Духе» (1. 10; 4. 2; 17. 3; 21. 10), «молнии и громы и гласы» с интенсифицирующими вариантами (4. 5; 8. 5; 11. 19; 16. 18 — 21).

¹² Имеется в виду обстановка небесного храма (4. 2 — 5. 14; 7. 9 — 8. 5; 11. 15 — 19; 14. 1 — 5; 15. 1 — 8; 19. 1 — 8).

¹³ Слово «сцепление» является переводом английского *interlocking*, предложенного Аделой Ярбро Коллинз. Американская исследовательница, в свою очередь, трактует свой термин как адаптацию *loi de l'emboîtement* Алло, оговаривая, впрочем, что у Алло данный термин относился к более простому явлению, а именно к антиципациям, как, например, в случае упоминания о Вавилоне в Откр 14. 8. См. Collins A.Y. The Combat Myth in the Book of Revelation. Missoula, 1976. P. 16 — 20. Ссылка на Алло на с. 16 в сноске 64, раскрытие которой на с. 49.

¹⁴ Collins A.Y. Op.cit. P.19, 31 - 32; Bauckham R. The Climax of Prophecy. Edinburgh, 1993. P. 15, 21.

¹⁵ Aune. Op. cit. P. cii, 647-662; Mueller E. Recapitulation in Revelation 4-11. P. 12. URL: <http://www.adventistbiblicalresearch.org/documents/rev4-11.pdf> (дата обращения: 28 сентября 2012 г.).

ковчега завета, органично связан с предшествующей сценой, которая происходит перед престолом Божиим (на это указывает присутствие 24 старцев и их гимнический возглас, близкий гимнам Откр 4 – 5), с другой стороны, использование в нем пассивного аориста ḥffθl (явился) связывает его с Откр 12. 1, 3, где также использована именно эта форма (ḥffθl встречается только в этих местах во всем Апокалипсисе!), вводя описание двух небесных «знамений» – Жены, облеченной в солнце, и дракона. Таким образом, «явление» ковчега завета оказывается в одном ряду с «явлениями» двух последующих знамений. Мы видим, что рассматриваемый стих одновременно венчает предшествующий ему эпизод и вводит последующий. Это особенно важно ввиду того, что обычно цезура между гл. 11 и 12 признается одной из самых значительных в Апокалипсисе, фактически делящей всю книгу на две большие части¹⁶. Однако сцепляющий характер Откр 11. 19 позволяет в известной степени преодолеть ее и избежать разрыва этих двух частей. Ниже мы увидим, что эта цезура преодолевается и в более крупном масштабе и опять-таки с помощью техники сцепления.

Сама А. Ярбро Коллинз в качестве первого примера техники сцепления приводит послания семи церквам Откр 2-3. Сцепляющий характер этого раздела проявляется с ее точки зрения в следующем. С одной стороны, послания связаны с эпистолярным приветствием Откр 1. 4 – 5, то есть с самым началом книги. С другой стороны, они являются частью видения Тайнозрителем подобного Сыну Человеческому, который, собственно, эти послания и надиктовывает, обращаясь к Иоанну громким, «как бы трубным» голосом с повелением отправить семи азиатским церквам то, что он услышит (Откр 1. 10 – 11). Следующее видение Апокалипсиса (Откр 4-5) также начинается с обращенного к Иоанну возвивания «прежнего» голоса, который он «слышал как звук трубы» (Откр 4. 1). Таким образом, послания семи церквам оказываются связанными и со следующим видением небесной литургии, осуществляя сцепляющую связь между ним и начальным эпистолярным приветствием¹⁷.

Помимо посланий семи церквам – и, в целом, на наш взгляд, более наглядными и очевидными, нежели они, – примерами применения техники сцепления в Апокалипсисе могут считаться Откр 8. 2 – 6; 21. 1 – 8; 22. 6 – 9 и в совершенно особом масштабе 10. 1 – 11. 19.

В отрывке 8. 2 – 6, следующем за снятием седьмой печати, вначале говорится о появлении семи ангелов с трубами, а затем описываются действия ангела перед

¹⁶ Ср., напр., Bauckham. Op. cit. P. 15: “It seems we must accept that the abrupt transition is intentional. John has made it abrupt precisely in order to create an impression of a fresh start”.

¹⁷ Collins A.Y. Op. cit. P. 16-17.

жертвенником — он приступает к нему с золотой кадильницей, в которую с фимиамом вложены молитвы всех святых, возносящиеся вместе с дымом. Здесь указание на семь ангелов с трубами явным образом вводит седмеричный цикл труб, начинающийся в Откр 8. 7, а последующее появление молитв святых отсылает к небесной сцене Откр 5, в которой двадцать четыре старца прославляли Агнца, берущего из десницы Сидящего на престоле запечатанную книгу, имея «чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых» (Откр 5. 8), и к сцене снятия пятой печати, когда Тайнозритель увидел находящиеся под жертвенником души мучеников, вопиющих к Богу об отмщении (Откр 6. 9 – 11). Мы видим, что рассматриваемые стихи сцепляют сцену небесной литургии Откр 4 – 5 и вводимый ею цикл печатей с циклом труб.

Как на пример применения техники сцепления указывают и на Откр 15¹⁸, положение которой действительно во многом сходно с положением Откр 8. 2 – 6. В обоих случаях перед нами начало седмеричных циклов, а именно, труб и чаш. В обоих случаях первое упоминание о семи ангелах, которым предстоит, соответственно, дуть в трубы и изливать чаши, вынесено вперед (8. 2; 15. 1) и отделено от повествования об этих действиях (8. 7 – 11. 15; 15. 5 – 16. 21) посредствующей сценой литургического характера — в случае труб это каждение ангела (Откр 8. 3 – 5), а в случае чаш — песнь «победивших зверя и образ его, и начертание его, и число имени его», стоящих на стеклянном море (Откр 15. 2 – 4). Однако если в первом случае образ молитв святых действительно отсылал именно к реалиям предшествующего раздела, впоследствии не упоминаемым, то во втором случае победа над зверем, его образом и начертанием вовсе не является исключительной темой предшествующих Откр 15 глав, будучи сквозной темой Откр 12 – 20. Ввиду этого сцепляющий в строгом смысле слова характер Откр 15 не столь очевиден, как в Откр 8. 2 – 6. При этом его связующая роль между видениями Откр 12 – 14 и циклом чаш несомненна.

Подобного же рода явление перед нами и в Откр 21. 1 – 8. В начале этого отрывка упоминание о «новом небе и новой земле», о схождении от Бога с неба нового Иерусалима явным образом предвосхищает описание небесного Града, начинающееся в Откр 21. 9. Заключающее же его грозное предостережение грешникам относительно их участия «в озере, горящем огнем и серою», которая есть «смерть вторая», представляет собой возвращение к сцене конечного суда над миром в предшествующем отрывке Откр 20. 11 – 15. Феномен сцепления и здесь очевиден.

¹⁸ Так поступает, в частности, сама А.Я.Коллинз.(op. cit. P. 18 – 19). Ср. также Longenecker B. ‘Linked Like a Chain’: Rev 22. 6 – 9 in Light of an Ancient Transition Technique // New Testament Studies 47 (2001). P. 105 – 117 (относительно Откр 15 – р. 115-116).

Чрезвычайно интересный случай применения техники сцепления перед нами в Откр 22. 6 – 9¹⁹. Для правильного понимания положения данного фрагмента в Апокалипсисе необходимо принимать во внимание, что по окончании последнего эксплицитно маркированного седмеричного цикла Апокалипсиса, а именно цикла чаш, главным приемом литературного оформления оставшейся части текста книги оказывается антитетическое сопоставление двух образов жен/городов: великой блудницы Вавилона и невесты, жены Агнца – Нового Иерусалима. Обрамление посвященных их описанию двух разделов идентично. В начале каждого раздела один из семи ангелов, имевших чаши, сообщает Тайнозрителю, что покажет ему тот или иной образ жены/города (17. 1 – 3; 21. 9 – 10), а в его завершение в обоих случаях говорится об истинности сказанных слов и о пресекаемой ангелом попытке Иоанна поклониться ему (19. 9 – 10; 22. 6 – 9). Таким образом, Откр 22. 6 – 9 – это заключение раздела, посвященного описанию Нового Иерусалима. Однако этим функция данных стихов не исчерпывается. Они являются одновременно и началом общего заключения Апокалипсиса²⁰. Четыре мотива из стихов 22. 6 – 7 находят прямое продолжение в заключительных стихах Откровения Иоанна²¹. Во-первых, это слова «се, гряду скоро» (22. 7), буквально повторяющиеся в 22. 12 и почти буквально в 22. 20. Откликом на них являются молитвенные призывания «гряди» в 22. 17, 20. Во-вторых, это слова «чему надлежит быть вскоре» (22. 6), предвосхищающие утверждение «время близко» в 22. 10. В-третьих, послание ангела упомянуто как в 22. 6, так и в 22. 16. В-четвертых, выражение «слова пророчества книги сей» (22. 7) повторены в 22. 10, 18 (ср. также 22. 19). Являясь одновременно завершением раздела, посвященного описанию Нового Иерусалима, и началом эпилога Апокалипсиса, фрагмент 22. 6 – 9 прочно сцепляет эти два раздела книги. Окончание всей книги благодаря применению техники сцепления плавно вытекает из предшествующего повествования, а не сваливается на читателя, как снег на голову.

Вне всякого сомнения, самым значительным примером применения техники сцепления в Апокалипсисе являются глл. 10 – 11. Перед нами текст, представляющий одно из видений, следующих за гласом шестой трубы, а также глас седьмой трубы и следующую за ним небесную сцену. Первое видение после звука шестой трубы, содержанием которого является двухсотмиллионная умерщвляющая третью часть людей конница (Откр 9. 13 – 18), очень близко видению предшествующей пятой трубы с ее выходящей из бездны саранчой (9. 1 – 12), а также видениям, связанным с

¹⁹ Подробно проанализирован Б.Лонгенекером в статье, отмеченной в предыдущей сноске.

²⁰ По мнению абсолютного большинства исследователей, стихи 22. 10 – 21 являются эпилогом Откровения Иоанна.

²¹ На это указывает Longenecker. Op. cit. P. 107-108.

первыми четырьмя трубами, в которых перед нами представляли те или иные поражающие природу бедствия. Но в начале гл. 10 сцена резко меняется. Череда катастроф прерывается. Появляется сильный ангел с открытой книжкой, которую Тайнозритель должен принять из его рук и съесть (10. 1 – 10). Съев книжку, Иоанн получает повеление «опять пророчествовать» (10. 11) и врученным ему жезлом измерить «храм Божий, жертвенник и поклоняющихся в нем» (11. 1 – 2). Далее следует тесно связанный с измерением храма рассказ о служении двух свидетелей, увенчивающем их мученической кончиной и прославлением (11. 3 – 14). После этого в Откр 11. 15 звучит глас последней, седьмой трубы, за которым следует провозглашение наступления Царства Божия и небесная сцена благодарения Богу (11. 15 – 19). Таким образом, Откр 10 – 11, представляя собой крупный фрагмент текста, формально относящийся к циклу труб²², а именно к последним двум элементам этой седмерицы, в содержательном отношении сильно отличаются от видений, следующих за первыми пятью трубными гласами, и от первого видения после звука шестой трубы. Но помимо самого факта данного различия как такового важным оказывается и общий характер вводности, предназначительности рассматриваемого фрагмента текста. Гл. 10 можно назвать сценой призыва Иоанна к пророческому служению²³, которая, по самой своей сути, знаменует начало нового повествования. Она во многом близка сценам Откр 1. 9 – 20, где явившийся Иоанну на Патмосе подобный Сыну Человеческому повелевает ему написать, что он «видел, что есть, и что будет после сего», и Откр 5, где в центре внимания оказывается запечатанная книга, снятие с которой печатей влечет за собой ряд откровений о состоянии мира. Обе эти сцены носят очевидный начальный, вводный характер, они являются отправной точкой дальнейшего нарративно-драматургического развития. Это же самое можно сказать и об Откр 10. Находясь еще в рамках цикла труб, мы становимся свидетелями начала нового витка повествования. Вводимые сценой призыва Иоанна к пророческому служению измерение храма, попрание святого города язычниками, служение двух свидетелей, их убиение «зверем» при ликовании «живущих на земле» и последующее прославление – все это оказывается совершенно новым в близком к завершению септете труб, но при этом очевидным образом предвосхищает последующее повествование Апокалипсиса, и даже не просто предвосхищает, а фактически вводит его. Сам по себе открытый конфликт между

²² Формальная принадлежность к циклу труб подчеркнута и словами сильного ангела, провозглашающего совершение тайны Божией, «когда возгласит седьмой ангел, когда он вострубит» (Откр 10. 7).

²³ Очевидна ее близость к сцене призыва к пророческому служению Иезекииля (Иез 2 – 3,ср. особенно поедание свитка в 2. 8 – 3. 3).

силами зла и верными Богу людьми, представленный здесь, уже оказывается близким глл. 12 – 13, в которых говорится о преследовании драконом-сатаной и его приспешниками – двумя зверями – жены, облеченней в солнце, и ее чад. Но обращают на себя и отдельные весьма важные детали повествования Откр 11. Срок 42 месяца/1260 дня, в течение которого язычники будут попирать святой город, а два свидетеля осуществлять свое служение, упоминается в следующих двух главах книги как время укрытия жены в пустыне (12. 6, 14²⁴) и попущенной Богом деятельности зверя из моря (13. 5). Сам этот зверь также впервые упомянут в Откр 11. 7 как убийца двух свидетелей. Таким образом, мы видим, что в Откр 11, вводимом сценой призыва Откр 10, присутствуют важные мотивы последующих глав Апокалипсиса, выводящих на сцену главных поборников зла, судьба которых остается в центре внимания Тайнозрителя вплоть до гл. 20²⁵. А поскольку седмерица труб, в которую входят гл. 10 – 11, является органическим продолжением цикла снятия печатей, в свою очередь, вытекающего из небесной сцены Откр 4 – 5, то можно сказать, что Откр 10 – 11, находясь в самой середине Апокалипсиса, выполняют сцепляющую функцию фактически по отношению к двум половинам книги²⁶. Как было отмечено выше, такую же роль, так сказать, в миниатюре играет Откр 11. 19.

Итак, мы обозрели основные случаи применения техники сцепления в Апокалипсисе. Какова же ее роль в книге? Как мы уже отметили, очевидна ее скрепляющая функция, позволяющая соединить в рамках единого связного

²⁴ В 12. 14 употреблено восходящее к книге Даниила (Дан 7. 25; 12. 7) выражение «время, времена и полвремени».

²⁵ Показательно, что бедствия, совершающиеся при излитии чаши, обрушаются на поклонников зверя и на его престол (см. Откр 16. 2, 10; ср. также 16. 13).

²⁶ Слово «половина» здесь ни в коем случае нельзя понимать буквально. По крайней мере, послания семи церквам отнюдь не понимаются нами как часть «первой половины» Апокалипсиса, представляя собой совершенно особый раздел книги. Скорее, речь идет о двух крупных структурных единицах книги после восхищения Тайнозрителя на небо (Откр 4. 1), первая из которых вводится снятием печатей с запечатанной книги и своего рода осью которой является цикл труб, а вторая выводит на сцену главных богоборцев, – дракона и двух зверей, – на последователей, на которых обрушаются казни параллельного трубам цикла чащ. На сцепляющую функцию Откр 10 – 11 указывают Muñoz León D. La estructura del Apocalipsis de Juan. Una aproximación a la luz de la composición del 4. de Esdras y del 2. de Baruc // Estudios Bíblicos 43 (1985). P. 125-172; Smith C. R. The Structure of the Book of Revelation in Light of Apocalyptic Literary Conventions // Novum Testamentum 36 (1994). P. 373-393 (со ссылкой на Муньоса-Леона на с. 388); Biguzzi G. I settenari nella struttura dell'Apocalisse. Analisi, storia di ricerca, interpretazione. Bologna, 1996. P. 226-234; Hall M.S. The Hook Interlocking Structure of Revelation: The Most Important Verses in the Book and How They May Unify Its Structure // Novum Testamentum 44 (2002). P. 278-296 и др. Д. Муньос-Леон называет Откр 4 – 11 «Апокалипсисом Дня Господня», а Откр 12. 1 – 20. 6 «Апокалипсисом зверей». В Откр 10 – 11 эти два апокалипсиса накладываются друг на друга, совмещение их тем и образности имеет место также в ряде эпизодов, начиная с Откр 17. 1. Согласно Дж. Бигузци, первая «половина» Апокалипсиса содержит описание кар против идолопоклонников в самом общем смысле (ср. Откр 9. 20 – 21), вторая половина – против поклонников зверя.

повествования внешне разнородные, содержащие различные, подчас контрастные образы, разделы²⁷. Плавно, без «швов» соединяются послания семи церквам как с начальными стихами Апокалипсиса, так и с последующим видением престола Божия и небесной литургии, цикл печатей с циклом труб, цикл труб – с видениями Откр 12 – 13, основной корпус видений Апокалипсиса – с его эпилогом. Все это позволяет воспринимать Откровение Иоанна именно как единый, цельный и связный текст при всей его кажущейся калейдоскопичности и дробности. Совершенно справедливо Брюс Лонгенекер указывает на то, что применяя технику сцепления Тайнозритель Иоанн действует в соответствии с требованиями, которые впоследствии применительно к написанию исторического труда сформулирует Лукиан Самосатский. В своем труде «Как следует писать историю» Лукиан говорит следующее: «После предисловия, которое сообразно с предметом будет или распространенным, или сжатым, переход к изложению должен быть плавным и нерезким. Вся остальная часть истории является длинным изложением, поэтому она должна быть украшена свойственными изложению качествами, должна течь гладко и ровно, всегда одинаково, без скачков вверх и вниз; затем все оно должно отличаться ясностью, что достигается, с одной стороны, способом выражения, как я уже говорил, с другой стороны — соответственным распределением материала. Пусть историк все расчленит и округлит, а затем, лишь закончив одно, переходит к дальнейшему. При этом одно должно вытекать из другого и быть связано с ним, как связаны между собой звенья цепи; так чтобы изложение не разбилось и не получились отдельные рассказы — один рядом с другим, но чтобы всегда они не только внешним образом соприкасались, но были связаны друг с другом общностью и сливались на границах»²⁸. Таким образом, применяемый Тайнозрителем литературный прием оказывается нечуждым и античным представлениям о том, каким образом должно строиться повествование²⁹.

Наряду с этой литературно-повествовательной функцией сцепления должна быть упомянута и функция, которую мы бы назвали мнемонической. Апокалипсис, как и большинство прочих новозаветных книг, изначально предполагал устное

²⁷ Вообще, наличие и значение в Апокалипсисе разделов связующе-переходного характера признано многими исследователями, не оперирующими понятием *interlocking* и не указывающими на это явление именно. Ср., напр., Tavo F. The Structure of the Apocalypse. Re-examining a Perennial Problem // Novum Testamentum 47 (2005). Р. 47–68, который предлагает семичастную схему построения Апокалипсиса, выделяя связующее построение между каждой парой соседствующих частей.

²⁸ Quomodo Historia consribenda sit 55. Перевод С.В. Толстой. Цит. по: Лукиан. Сочинения. Т. 2. СПб: Алетейя, 2001. С. 78.

²⁹ Лонгенекер (оп. cit. Р. 112 – 113) ссылается также на Квинтилиана, высказывавшего близкие к Лукиану мысли в своем труде *Institutio Oratoria* (9. 4. 129 – 130), используя образ людей, взявшись за руки.

прочтение на собрании христиан, и, соответственно, восприятие на слух. В настоящее время этому фактору при анализе Откровения Иоанна придает значение весьма значительное число его исследователей³⁰. Если мы принимаем во внимание этот устный характер Апокалипсиса и считаемся с тем, что изначально он воспринимался именно слушателями, а не читателями, то применение техники сцепления может объясняться стремлением облегчить запоминание читающегося вслух текста³¹. Как пишет один современный исследователь, литературные приемы, связанные с наложением разделов друг на друга, позволяют оратору «помочь аудитории проследить за переходом, благодаря тому, что в той точке, где предмет речи меняется, происходит некая приостановка, и его смена предвосхищается еще до того, как она оказывается фактически осуществленной... Эффект состоит в том, что переход замедляется и слушателям дается больше возможности обратить внимание на то, что происходит некое изменение»³².

Две отмеченные функции техники сцепления не затрагивают собственно содержания Апокалипсиса. Однако, как мы уже отметили в начале доклада, данный литературный прием может иметь и глубокое богословское значение. В полной мере это относится к отрывку Откр 10 – 11. Этот фрагмент имеет несомненно эсхатологический характер. В Откр 10. 6 – 7 сильный ангел клянется, что «времени уже не будет; но в те дни, когда возгласит седьмой ангел, когда он вострубит, совершился тайна Божия, как он благовествовал рабам Своим пророкам». Когда седьмой ангел вострубил, «раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира сего соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» (Откр 11. 15). Гласу седьмой трубы непосредственно предшествует служение двух свидетелей, которое, таким образом, приобретает недвусмысленный финальный по отношению к человеческой истории характер. Рассматриваемый отрывок Апокалипсиса, несомненно, говорит о конце этого мира, о конце человеческой истории. Однако одновременно с этим данный раздел Откровения Иоанна говорит и о реалиях времени написания книги, то есть о начале христианской эры. В силу своего описанного выше сцепляющего две половины Апокалипсиса положения гл. 10-11 должны рассматриваться в контексте последующих глав. Выше

³⁰ См., напр., Barr D.L. The Apocalypse of John as Oral Enactment // Interpretation 40 (1986). P. 243-256; Vanni U. Liturgical Dialogue as a Literary Form in the Book of Revelation // New Testament Studies 37 (1991). P. 348-372; Bauckham. Op. cit. P. 1-3; Garrow A.J.P. Revelation. London-New-York. 1997. P. 3-4.

³¹ Это относится и к другим используемым в Апокалипсисе литературным приемам, связанным с повторностью, а также числовой символикой (ср., напр., проходящие через всю книгу седмеричные циклы).

³² Van Dyke Parunak H. Transitional Techniques in the Bible // Journal of Biblical Literature 102 (1983). P. 525-548 (здесь р. 527). Эта мысль цитируется Лонгенекером. Op. cit. P. 113.

уже было отмечено, что гл. 11-13 объединены наличием в каждой из них указания на срок в три с половиной года, представленный как 1260 дней, 42 месяца, или «время, времена и полвремени». В течение этого периода осуществляют свое служение два свидетеля, святой город попирается язычниками, жена, облеченнная в солнце укрывается в пустыне, а зверь из моря ведет свою войну со святыми. Важно выяснить, когда этот срок начинается и когда кончается. Конец его очевидным образом связан с завершением служения двух свидетелей и с открытием Царства Божия (Откр 11. 7 – 15). В качестве же его начала в Откр 12. 6 указывается на восхищение рожденного женою, облеченнной в солнце, младенца мужского пола к Богу. Видим ли мы в младенце Христа³³ или собирательный образ христианина³⁴ – в любом случае ясно, что точка отсчета помещена здесь в первом христианском столетии. Соответственно, и 42 месяца, в течение которых зверю из моря попущено Богом действовать (Откр 13. 5), должны восприниматься в этой же перспективе, то есть как реальность христианской жизни, начиная с самого момента возникновения христианства. Зверь и в последующих главах Апокалипсиса предстает перед нами в качестве современной Тайнозрителю и его первым читателям силы³⁵. Неотъемлемым от первохристианской эпохи оказывается и чисто эсхатологическое служение двух свидетелей. Не случайно оно оказывается поставленным рядом с призванием к пророческому служению самого Иоанна. Перед нами поразительное совмещение различных хронологических планов. В своем пророческом статусе и в своей пророческой деятельности Иоанн – человек I в. – оказывается поставленным в один ряд с двумя свидетелями, служение которых венчает историю человечества³⁶. Как мы писали об этом в другой публикации, «благодаря такому помещению в один план служения Апостола и двух свидетелей, достигается двойной эффект. С одной стороны, служение Тайнозрителя, а вместе с ним и служение всех христиан и, в частности, пророков (Откр 1. 9; 19. 10; 22. 9), в качестве общника и собрата которых Иоанн представляет себя в своей книге,

³³ Мнение абсолютного большинства современных экзегетов. Из древних толкователей этой точки зрения придерживался Икумений (In Apoc. VII).

³⁴ Так уже у св. Мефодия Олимпийского (Пир десяти дев. Речь Феклы). Этот же взгляд представлен у Андрея Кесарийского (Толкование на Апокалипсис. Слово 33). Из современных авторов так считает Witetschek S. Der Lieblingspsalm des Sehers. Die Verwendung von Ps 2 in der Johannesapokalypse. In: The Septuagint and Messianism. Ed. by M.A.Knibb. Leuven, 2006. P. 487-502.

³⁵ Ср. Откр 17. 9 – 10, где говорится, что семь голов зверя суть «семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел». Очевидны также аллюзии на современные Тайнозрителю реалии в Откр 13.

³⁶ Ср. указание на пророческую деятельность двух свидетелей в Откр 11. 3, их именование пророками в Откр 11. 10. Измерение Иоанном храма (Откр 11. 1 – 2) напрямую связано со служением двух свидетелей (Откр 11. 3 – 13) – их пророческое свидетельство продолжается ровно столько, сколько «святой город» будет попираться язычниками (42 месяца – 11. 2; 1260 дней – 11. 3), а само это попрание становится возможным в силу того, что город в целом не был измерен Тайнозрителем.

приобретает ярко выраженный эсхатологический, так сказать, финальный характер. С другой стороны, само служение двух свидетелей, эсхатологичность которого недвусмысленно подчеркнута в самом тексте Апокалипсиса, оказывается восходящим к служению Апостола и его собратьев и в этом смысле охватывающим всю историю Церкви. Таким образом, отрывок 11. 1 – 13 может рассматриваться как символический срез всей истории Церкви, в ходе которой она осуществляет свое эсхатологическое по своей сути свидетельство перед миром»³⁷.

Итак, применение техники сцепления позволяет Тайнозрителю сообщить чрезвычайно важное богословское значение повествованию о двух свидетелях, превращая его в сердцевинную часть всей книги, в своего рода апокалипсис в Апокалипсисе, содержащий весть о сущности христианской жизни в этом мире, которая представлена как эсхатологическое пророческое свидетельство об истине перед миром, требующее приобщения ко Христу вплоть до мученической смерти, но и обеспечивающее итоговое прославление вместе с Ним и окончательное явление в мире сем Царства Божия³⁸.

Мы продемонстрировали богословское значение техники сцепления на примере одного фрагмента Апокалипсиса. Можно ли усмотреть богословские импликации этого приема в других местах книги? Ответить на этот вопрос однозначно утвердительно было бы рискованным. Однако применительно к отдельным разделам Апокалипсиса можно высказать осторожные предположения на этот счет. В Откр 21. 1 – 8 осуществляемое с помощью сцепления наложение друг на друга разделов, посвященных последнему суду и явлению нового неба и новой земли, можно было бы трактовать как свидетельство того, что описанные в гл. 21-22 эсхатологические реалии прорываются уже в нынешний век, что «творение всего нового» (21. 5) и явление «скинии Бога с человеками» (21. 3) начинают свое осуществление до великого суда, то есть уже в этом веке. Ни в коем случае не настаивая на безусловной истинности данного утверждения, можно было бы сказать также, что проявляющаяся в Апокалипсисе любовь Тайнозрителя к использованию техники сцепления является выражением основополагающего христианского опыта жизни в этом мире, когда, с одной стороны, с пришествием в мир Спасителя людей уже «достигло Царство Божие» (Мф 12. 28), верующий уже «перешел от смерти в жизнь» (Ин 5. 24) и стал «новой тварью» (2Кор 5. 17), пришедший в мир Свет уже судит мир (Ин 3. 19), с другой же стороны, последователи Христа не изымаются из мира, в котором они

³⁷ Небольсин А.С. Методы интерпретации, эсхатология и структура Откровения Иоанна Богослова // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2010. Вып. 3 (31). С. 62.

³⁸ Ср. суждение Ричарда Бокэма: “This passage... contains, *in nuce*, the central message of John’s whole prophecy”. Bauckham R. The Theology of the Book of Revelation. Cambridge, 1993. P. 83.

обречены претерпевать скорби (Ин 16. 33), быть гонимыми (2Тим 3. 12), спасать свои души терпением (Лк 21. 19), а оказываются «спасенными в надежде» (Рим 8. 24), призванными бодрствовать и трезвиться, ожидая грядущего пришествия своего Господа (1Фесс 5. 6). Христианская жизнь, наличие в мире Церкви Христовой – это одновременно и конец прежнего мира, который «во зле лежит», и начало нового. Применение техники сцепления можно было бы рассматривать как выражение того напряженного сосуществования «уже» и «еще не», о котором так много писали и пишут современные богословы.